

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

DOI: 10.17223/19986645/74/12

И.А. Айзикова

НАСЛЕДИЕ П.А. ПЛЕТНЕВА В «ПРИДВОРНОЙ ПЕДАГОГИКЕ»¹

Рассматривается вклад П.А. Плетнева в русскую «придворную педагогику», в частности его деятельность в роли учителя русской словесности великого князя Александра Николаевича и других членов царской семьи. Выявляются типологические сближения его учебной программы дисциплины с «Планом учения Его Императорского Высочества Цесаревича Александра Николаевича» и другими педагогическими сочинениями В.А. Жуковского, организатора образовательно-воспитательного процесса наследника русского престола.

Ключевые слова: П.А. Плетнев, В.А. Жуковский, придворная педагогика, учебно-методические материалы, история русской литературы, типологические сближения, преемственность

Многогранное творческое наследие П.А. Плетнева до сих пор остается не осмысленным как целостная система, при том что исследователи русской литературы первой трети XIX в. постоянно обращаются к его критическим статьям, истории отношений с поэтами пушкинской поры, в первую очередь с Пушкиным, Жуковским, Вяземским ([1–6] и др.). Изучается и поэтическое творчество самого Плетнева ([7–11] и др.). В поле зрения ученых – деятельность Плетнева-критика [12–16], Плетнева-редактора пушкинского «Современника», его работа по подготовке к печати последнего прижизненного собрания сочинений Жуковского, некоторые другие его издательские проекты [17–19]. Из дореволюционных следует назвать работы мемуарно-биографического характера П.А. Вяземского, И.С. Тургенева, Я.К. и К.Я. Грозов, Ф. Фортунатова и др. [20–29]. Однако до настоящего времени почти не изучена педагогическая деятельность Плетнева (см.: [30–31]), получившего высшее образование в Главном педагогическом институте, преподававшего в кадетских корпусах, женских институтах и в Благородном пансионе, открытом по указу Александра I при университете (см.: [32]). С 1828 г. по рекомендации Жуковского Плетнев общался к «придворной педагогике», будучи приглашенным вести курс по литературе для наследника русского престола великого князя Александра

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00529.

Николаевича и других членов царской семьи. В 1832 г. он принял кафедру русской словесности Санкт-Петербургского университета, с 1840 по 1861 г. являлся его ректором.

Педагогическое наследие Плетнева, всю жизнь служившего русской словесности, безусловно, следует понимать не только как значимую часть русской педагогики, но и как явление отечественной культуры. Достояние Плетнева-педагога составляют и теория и практика, сформированные на основе традиций, опыта русских и зарубежных предшественников и современников и соответствующие социокультурным запросам его времени. Думается, что, тесно взаимодействуя друг с другом, педагогическая мысль и педагогическая деятельность Плетнева неотделимы от его столь же институционализированной литературно-критической, издательской деятельности, от круга его общения и принятых в нем ценностей.

Вместе с тем, судя по имеющимся материалам, на каком бы поприще не реализовывал себя Плетнев как педагог, основой для него являлась не только социоцентричная, но и антропоцентричная концепция обучения и воспитания, в том числе и лиц царской семьи, воспринятая во многом от М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского (см. об этом: [33–35]) и высоко оцениваемая его коллегами и учениками. С 1815 г. (т.е. еще будучи студентом) Плетнев, по рекомендации директора института Е.А. Энгельгардта, давал частные уроки, преподавал историю, математику, русский язык и словесность в Павловском кадетском корпусе, в Екатерининском институте благородных девиц, в Женском патриотическом институте, позднее – в Пажеском корпусе (с 1825 г.), в Школе гвардейских подпрапорщиков (с 1830 г.) и в ряде других учебных заведений (см.: [25]). «Истинный педагог по призванию», он везде быстро осваивался с делом, составлял себе «отличную репутацию», получал «симпатию и популярность» (К.Я. Грот) среди педагогов и восторг и преданность нескольких поколений учащихся. Так, по словам Грота, на занятии Плетнева в Екатерининском институте побывал академик Петербургской академии наук А.К. Шторх, который был настолько поражен его умением занимательно и успешно преподавать историю, что после написал императрице Марии Федоровне: «Madame, j'ai trouvé un trésor dans notre Institut – c'est M-r Pletneff». Позднее, уже как преподаватель русского языка и словесности у детей Николая I и других членов монаршей фамилии, он «снискал искреннее, сердечное расположение всего царского семейства, которым он пользовался до конца дней» [25. С. 8, 16]. Оказавшись на профессорском поприще, получив кафедру русской словесности и в Петербургском университете, и в Главном педагогическом институте, а затем став ректором университета, Плетнев оставался авторитетным педагогом для коллег, о чем свидетельствуют уже сами по себе эти служебные назначения и длительность исполнения Плетневым своих обязанностей (кафедру он возглавлял более 20 лет, в должности ректора также состоял более 20 лет), и студентов. Учениками Плетнева, признававшими его большое и плодотворное влияние на них, долгие годы вспоминаявшими его «живые лекции» и «литературные комментарии» [25. С. 23], являлись И.С. Тургенев, М.Н. Лонгинов, Ф. Фортунатов и др.

Столь успешной педагогической карьере Плетнева способствовало его воспитание, образование и сформировавшиеся с годами мировоззрение и личностные качества. Свою роль в формировании Плетнева, пишет Грот, сыграли и «исключительно благоприятные условия», сложившиеся вокруг него по окончании университета, во многом благодаря его высоким нравственным принципам жизни и трудолюбию. Прежде всего, здесь имеется в виду круг общения Плетнева, «дружба и доверие целой плеяды лучших наших писателей», определявших развитие русской литературы первой трети XIX в. и оказывавших прямое влияние на становление Плетнева-поэта, критика, историка литературы (среди них Жуковский, Пушкин, Кюхельбекер, Дельвиг, Вяземский, Боратынский, Языков и мн. др.); «такие же уважение, доверие и симпатия престола» и многих высокопоставленных лиц Российской империи к педагогическому таланту Плетнева [25. С. 4]. Это являлось для Плетнева мощным стимулом к саморазвитию, к плодотворному и добросовестному служению российскому искусству, просвещению (в частности, «придворной педагогике»), культуре в целом и в полной мере отражалось в его литературной и педагогической деятельности, которые шли и параллельно, и тесно, вопреки всем законам математики, переплетаясь, влияя друг на друга.

Осмысливая педагогическое наследие, чаще всего обращаются к оценке авторской педагогической системы. Не претендуя на полную реконструкцию педагогической системы Плетнева, развивавшейся на протяжении многих лет, что может стать предметом специального исследования, представим его основные принципы преподавания литературы. Прежде всего, обратимся к воспоминаниям Ф.Н. Фортунатова, в 1832 г. слушавшего курс Плетнева по истории русской литературы на историко-филологическом факультете Петербургского университета. В преподавании своего предмета, вспоминает Фортунатов, Плетнев исходил из необходимости четкого понимания и учителем и учениками сути самого понятия «история литературы», которое неотделимо от исторического подхода к литературе. Не случайно «главным источником, на который ссылался Плетнев почти на каждой лекции», пишет Фортунатова была «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Чрезвычайное значение Плетнев придавал и проблеме периодизации истории литературы. Особое внимание уделялось древнерусской литературе как фундаменту отечественной словесности, факторам, повлиявшим на ее зарождение и становление. Вместе с тем, по утверждению мемуариста, Плетнев постоянно следил за современной литературой, был в курсе всех ее новинок, чему способствовали его деятельность как критика и издателя литературных журналов, а также знакомство или дружба со многими русскими писателями своего времени. С принципом историзма тесно связан и отбор материала для изучения дисциплины. Во всяком литературном произведении, по Плетневу, присутствует определенная эпоха. Кроме того, по его мнению, именно принцип историзма в изучении и преподавании литературы определяет понимание его эстетической природы и ценности, дает вектор его восприятия. Фортунатов видит в

этом влияние на Плетнева Фр. Шлегеля, его «Истории древней и новой литературы», вышедшей в России в переводе на русский язык в 1830 г., в которой универсальная идея романтической философии – идея развития – была распространена и на искусство, в том числе литературу, и о которой А.А. Дельвиг писал следующее: «Изучение... оной открывает таланту все пути ко храму Памяти. Мы не имеем недостатка в молодых поэтах <...>. В сей книге они увидят, что люди, увековечившие свои сочинения, были представителями своего народа и времени и что нравственная высота их была плодом общего человеческого усовершенствования» [36].

Исходя из принципа историзма в изучении литературы, Плетнев квалифицирует ее как «исследование, до какой степени совершенства достиг какой-либо известный народ в разных умственных направлениях, пользуясь всеми способами, которые доставили ему обстоятельства» [26. Стб. 333]. К этим обстоятельствам относилось влияние климата, образа жизни народа, народного творчества. Кроме того, Плетнев предлагает учитывать влияние на историю литературы религии, важнейших политических событий и национального языка. Классифицируя литературу, он выделял, соответственно, «религиозное, патриотическое, ученое и политическое» направления.

Лекции Плетнева, по воспоминаниям его учеников, не были «мертвыми», это были «живые импровизации, исполненные знания и любви к делу... Плетнев являлся в аудиторию с Державиным, Фонвизиним, Костровым и т.п., начинал читать их, избирая именно особенно замечательное, и тут сыпалось множество эстетических, филологических, анекдотических и других замечаний, делавших его *вдохновенным комментарием*, по выражению Пушкина... На лекциях его читались также сочинения студентов (студ. III курса Ершов читал своего "Конька-Горбунка"), велись диспуты, обсуживались замечательные литературные новости», – вспоминал М.Н. Лонгинов (цит. по: [25. С. 25]). Фортунатов называет ряд новейших на то время литературных произведений, изучавшихся в курсе Плетнева, которые оказали наибольшее влияние на университетских студентов. Среди них изданный в 1829 г. Д.Н. Блудовым т. XII «Истории государства Российского», VII–VIII главы «Евгения Онегина» (в пушкинском посвящении Плетневу, предварявшем IV и V главы романа, Фортунатов видит «мастерское изображение» своего учителя), «Борис Годунов», «Повести Белкина», которые студенты читали в каникулы 1831 г., не зная их автора, «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Илиаду» в переводе Н.И. Гнедича, стихотворения Н.М. Языкова, особенно на тему студенческой жизни. Лирику И.И. Козлова любили за «грустное настроение лиры поэта», романы М.Н. Загоскина «Милославский» и «Рославлев» – за их «патриотическое настроение», «Монастырка» А. Погорельского привлекала «Письмами институтки»¹ [26. Стб. 340]. Фортунатов отмечает, как легко и «свободно» было записывать лекции за Плетневым, потому что «читал он неспешно,

¹ Имеются в виду «Записки институтки».

останавливаясь на каждом слове». Он же пишет о необычайном демократизме преподавателя: «Петр Александрович был доступен во всякую пору студентам, желавшим получить от него совет или какое-либо содействие». Все приведенные по воспоминаниям учеников Плетнева сведения важны, кроме прочего, еще и потому, что относятся к началу 1830-х гг., ко времени чуть более позднему по отношению к тому, когда Плетнев, по рекомендации Жуковского, был приглашен преподавать литературу царским детям. Фортунатов, кстати, вспоминал, что Плетнев читал у них лекции два раза в неделю с утра, являясь на субботние лекции в шелковых чулках и башмаках, так как прямо из университета отправлялся в придворной карете к «венценосному ученику своему». В данной статье более подробно остановимся именно на «придворной педагогике» Плетнева, которая, с одной стороны, формировалась в русле его «университетской педагогики», а с другой – под сильным влиянием Жуковского, в систему придворного воспитания и образования которого Плетнев и вошел в 1828 г. (подробнее об этом см.: [37, 38]) Хотя уже в 1826 г. Жуковский, на время своего отсутствия, рекомендовал вместо себя Плетнева для занятий русским языком и словесностью с великой княгиней Еленой Павловной¹. В 1828 г. он начал заниматься с великими княжнами Марией и Ольгой Николаевнами. К этому же году относятся его первые «чтения» (по русской литературе) с великим князем Александром Николаевичем. Собственно занятия с ним и его сестрами начались осенью 1829 г. С наследником русского престола Плетнев занимался до его путешествия по России (т.е. до весны 1837 г.), с великими княжнами до 1845 г. и позже. Кроме того, Плетнев преподавал еще и великим княжнам Марии и Елизавете Михайловнам.

Для сопоставления систем «придворной педагогики» Жуковского и Плетнева чрезвычайную важность имеет известная статья последнего «О жизни и сочинениях В.А. Жуковского», напечатанная в 1853 г. в иллюстрированном журнале «Живописный сборник», издаваемом А.А. Плюшаром [40] и отдельным оттиском в Санкт-Петербурге в этом же году [41]. В первую очередь отметим, что Плетнев видит судьбой уготованное «со-

¹ Сообщив в середине октября 1826 г. великой княгине Елене Павловне, которой он преподавал русский язык и словесность, что он вынужден остаться на год в Германии в связи с болезнью и уже получил на это разрешение императора, Жуковский предлагает ей учить язык самостоятельно, читая со словарем и переводя последний том «Истории государства Российского» Карамзина сначала с русского на немецкий, а потом «обратно, с немецкого на русский, поправляя ошибки по тексту оригинала». Кроме того, он предлагает ей переписываться с ним по-русски, чтобы он исправлял и сообщал «поправки» своей ученице в ответных письмах. Как об альтернативе он пишет о замене его кем-нибудь на время отсутствия [39. С. 421]. Уже в письме от 23 ноября / 5 декабря 1826 г. из Дрездена Жуковский писал: «Je suis maintenant tranquillisé par l'idée que mon absence ne sera plus préjudiciable aux occupations de V<otre> A<ltesse> I<mpériale>. Monsieur Pletneff que j'ai l'honneur de Vous recommander, possède bien sa langue: je suis persuadé qu'il sera utile à V<otre> A<ltesse>. J'ose aussi le recommander comme homme. C'est un caractère noble et pur. Il saura apprécier le bonheur d'approcher votre personne» [39. С. 425–426]. Из письма следует, что великая княгиня приняла этот совет: ее учителем русского языка с конца 1826 г. стал П.А. Плетнёв.

единение» «тихой педагоги» поэта и его «живой поэзии». Рассматривая педагогическую деятельность Жуковского при дворе, он начинает описывать ее с того момента, когда тот был «избран для преподавания уроков русского языка Государыне Великой Княгине, ныне Императрице Александре Феодоровне» [42. Т. 3. С. 80]. «Образцом, достойным подражания», называет Плетнев подготовку Жуковского к урокам с великой княгиней Александрой Федоровной (подробнее см.: [43]), выработку им собственной авторской системы преподавания русского языка: «Жуковский чувствовал, что надобно собственным взглядом и собственными соображениями переселить науку в душу свою, когда приходится в ее лабиринт вводить другое лицо. Чужая система, как бы хороша ни была она, не срастается органически с нашими суждениями. <...> Им следует выработаться в вашей душе и звучать силою собственного убеждения нашего». И далее Плетнев описывает, с каким «удивительным спокойствием и терпением» Жуковский принялся «за обрабатывание грамматики русского языка и особенно за исследование глаголов его <...>. Об одном нельзя не пожалеть: Жуковский, в продолжение следующих годов жизни, много составил руководств и пособий по разным наукам, а ничего не издал для общего употребления» [42. Т. 3. С. 80]¹.

Разделяя понимание Жуковским большого значения «педагоги», Плетнев цитирует размышления поэта о том, что «педагогическое занятие не есть просто механическое преподавание азбуки и механического счета – это педагогическая поэма, в которую все входит», что «в этом занятии глубокая жизнь», важнейшее по своей роли единение сердец учителя и учеников. Эти идеи Жуковского-педагога Плетнев называет «умственными сокровищами» [42. Т. 3. С. 82]. Педагогическим «изобретением» поэта автор статьи называет следующую методику преподавания русского языка великой княгине, родным языком которой был немецкий: «Августейшая слушательница уроков его помнила наизусть лучшие небольшие стихотворения из первоклассных немецких поэтов. Преподаватель русского языка... начал переводить эти перлы поэзии. Можно вообразить всю занимательность и прелесть преподавания, когда основанием урока служило чтение восхитительных стихов на двух языках... В этом счастливом настроении ума не трудно уже было дополнять его приобретения указаниями на таблицы склонений и спряжений. Можно поэтому сказать, что вернее Жуковского никому не удавалось приводить в исполнение знаменитое Горациево правило: приятное с полезным» [42. Т. 3. С. 82]. Плетнев замечает, что переводы, сделанные Жуковским с педагогическими целями для занятий с великой княгиней, и изданы были особенно: в виде тетрадок, на прекрасной бумаге, небольшим количеством экземпляров, не предназначавшихся для продажи. Эти издания «получили от автора некоторые особы, дорогие для его сердца» [42. Т. 3. С. 83].

¹ См. об этом в работе Л.Н. Киселевой «Жуковский – преподаватель русского языка (начало “царской педагогики”» [44].

Столь же самозабвенно и ответственно отнесся Жуковский, по оценке Плетнева, и к своим занятиям с великим князем Александром Николаевичем. По отношению Жуковского-педагога к своему делу («со страхом и благоговением») Плетнев может сравнить его только с Фенелоном, символом «придворной педагогики» для России XIX в. Педагогическую деятельность поэта при дворе Плетнев определяет через концепты «великого подвига», «великого дела», «блага», «чести» и «достоинства» и подчеркивает ее системный характер (см.: [45]. Этой системе были подчинены, по словам автора статьи, «воображение, ум и сердце» поэта, которые «уже заранее обнимали все его части, разлагали все в подробности, совокупляли в целое» [45. С. 91]. Этому делу, подчеркивает Плетнев, Жуковский отдавал все свое время: «...моя настоящая должность берет все мое время. <...> какая забота и ответственность! <...> Занятие, питательное для души! Цель для целой остальной жизни! Чувствую ее великость, и всеми мыслями стремлюсь к ней! <...> Занятий множество; надобно учить и учиться – и время все захвачено. Прощай навсегда, поэзия с рифмами! Поэзия другого рода со мною, мне одному знакомая, понятная для одного меня, но для света безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь», – цитирует Плетнев письмо Жуковского к А.П. Зонтаг от 21 февраля 1826 г. [45. С. 92]; ср.: [34. Т. 16. 292–293].

Плетнев обращает внимание и на то, как тщательно подходил Жуковский к подбору преподавателей, которым предстояло реализовывать его учебный план (об этом пишет, например Д.В. Долгушин [37. С. 397–410]), как важны для него были личный контроль за образовательным процессом и участие в нем: «Ежедневно, лишь только должны были начинаться уроки, наставник царских детей являлся для присутствия при них – и, полный внимания, оживленный участием, за всем следовал неослабно». Плетнев поражен, сколь неутомимым был Жуковский «в изыскании средств, которые бы, облегчая приобретение, в то же время и укрепляли его в уме и памяти. Его жилище превратилось в мастерскую ученого художника, где по особенным планам готовились все пособия для классных комнат» [42. Т. 3. С. 95]. Усилиям Жуковского и всего преподавательского коллектива, собранного им при дворе, в полной мере, по оценке Плетнева, соответствовали результаты, удовлетворявшие и императора и императрицу.

Войдя в выстроенную Жуковским педагогическую систему, в составленный им «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» (подробнее см.: [46]), Плетнев, придворный педагог, следовал ее принципам, общим и частным. На Плетнева, как он писал в одной из своих записок, «было возложено составлять выбор чтения и приводить его в исполнение, – особенно в отношении к наследнику престола». Это дело он «почитал весьма важным, думая, что чтение может столько же действовать на сердце, как и обращение с людьми» (цит. по: [25. С. 17]. Выполняя возложенные на него задачи, Плетнев «решился хронологически пройти все замечательнейшие русские журналы и воспользоваться в них всем, чем было можно». За правило им было принято «не смотреть на слог», который

он «совершенно изменял во время чтения»: «Я только искал занимательности в рассказе, силы в нравоучении и надлежащего достоинства в характерах. Неприличное все было выбрасываемо по отметкам» [25. С. 18]. Позднее Плетнев составил для наследника престола учебное пособие по истории русской словесности, которое опубликовал в 1836 г. под заглавием «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях», как и Жуковский, малым тиражом, не для продажи. Оно было подготовлено к печати в санкт-петербургской типографии «Экспедиция заготовления государственных бумаг», позднее было перепечатано в т. 30 «Сборника Императорского Русского исторического общества», имеющем заглавие: «Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича ныне благополучно царствующего Государя Императора» (СПб., 1877).

«Хронологический список» Плетнева представляет собой таблицы, подобные тем, какие составил Жуковский для цесаревича по русской истории 1238–1362 гг. (о мнемонических таблицах Жуковского, о его иконической интерпретации текста см.: [47, 48]). Описание именно этого периода, выделенного во втором черновом варианте учебного пособия Жуковского «Введение в Историю государства Российского» (см.: [49. С. 682–683]), отсутствует и в двух других его пособиях – в «Чертах Истории Государства Российского», которые заканчиваются 1237 г., и в «Истории Государства Российского», которая имеет несколько подзаголовков: Древняя история; II. Времена уделов; III. Свержение ига татарского. 1363–1462; Димитрий Иоаннович Донской. 1363–1389, и начинается с 1363 г. Таблицы Жуковского, опубликованные в т. 30 «Сборника Императорского Русского исторического общества», озаглавлены «Хронологические таблицы Истории государства Российского. Древняя история. II. Времена уделов. II. Татарское иго», начинаются с 1238 г., заканчиваются 1362 г. (таблицы XXII–XXXII) [50]. Эти таблицы имели четыре графы, озаглавленные: «Столетия», «Годы», «Происшествия по России», «Современные происшествия». Таблицы Плетнева делились на графы: «Время, когда жил сочинитель», в свою очередь, она делилась на две: «Год рождения» и «Год смерти», вторая – «Кто был сочинитель», третья – «Какие литературные труды его» и четвертая «Библиографические замечания об упоминаемых здесь сочинениях». Принципы классификации материалов (и даже количество критериев классификации), а также его комментирования у Жуковского и Плетнева одинаковы: строгая периодизация и краткие примечания.

Курс истории русской словесности Плетнев начинает с деятельности Кирилла и Мефодия, их пребывания в Великой Моравии, где ими были «изобретены славянские буквы» и переведены с греческого языка на «славянское наречие» основные богослужебные книги (Плетнев называет Евангелие, Псалтирь, Апостол, Октоих). В примечаниях сообщается вектор пояснения материалов: «Сей алфавит известен под именем Кирилловского. У Далмат есть другая Славянская азбука, называемая Буквицею или Глаголическою». Относительно указанных переводов Кирилла и Мефодия

уточняется, что древнейшим списком является Остромирово Евангелие, которое относится к 1057 г. («он пергаменный и был приготовлен для Новгородского гражданина Остромира диаконом Григорием»), что он хранится в Императорской публичной библиотеке и что впоследствии перевод Кирилла и Мефодия был поправлен. Дается и библиографический комментарий к данным материалам, в частности, отмечается, что «подробное исследование о жизни Кирилла и Мефодия и их трудах написано Иосифом Добровским на немецком языке, переведено на русский язык М. Погодиным и издано гр. Румянцевым [51. С. 199].

X–XII вв. в курсе Плетнева представлены преимущественно авторами духовных сочинений или их переводчиками (священник Иоанн, Экзарх Болгарский; великий князь Ярослав I, епископ Новгородский Лука Жидята, Нестор и др.) и светских произведений литературы (с XII в.): Владимир Мономах, Даниил Заточник, «сочинитель Слова о полку Игоря». В программу входили и такие памятники древнерусской литературы, как Русская Правда (судя по комментариям Плетнева, предполагалось знакомство с историей изучения этого памятника, в связи с чем в курс вводились имена В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина как открывателя его древнейшего списка, А.Л. Шлёцера как первого публикатора краткой редакции памятника), рукописи Нестора «Поучение к братии» (в комментарии указывается, что она была поднесена А.И. Мусиным-Пушкиным Александру I), а также Лаврентьевская летопись Нестора (комментарии педагога указывают на необходимость сообщения ученику о «бесчисленном множестве» списков этой летописи, о работе Шлёцера «над исправлением, пояснением и указанием источников Нестора», об издании труда немецкого историка в переводе Н. Языкова). Программа предполагает также знакомство ученика с посланиями митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, с одним из древнейших русских описаний паломничества в Святую землю «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли», со «Словом Даниила Заточника» и др. Изучение «Слова о полку Игореве» прокомментировано в аспекте его датировки, первой публикации Мусиным-Пушкиным и множества переводов (в учебных пособиях по русской истории Жуковского весьма подробно описана историческая подоплека произведения).

Изучение литературы XIII–XVI вв. предполагало продолжение знакомства с памятниками церковно-славянской литературы – Киево-Печерским патериком, фрагментами Кормчей книги (и ее списками, в связи с чем в программу вводятся имена монаха Зиновия, духовного писателя XVI в., и Карамзина как открывателя ее древнейшего списка), Никоновской летописи, Степенной книги и др. Из светской литературы в программу Плетнева входят «Сказание о четырехгодичном странствовании в Индию» купца А. Никитина, историческая повесть «История о Казанском царстве», сочинения князя Курбского, в связи с которыми в плетневский «Хронологический список» вводится имя их первого публикатора, российского историка Н.Г. Устрялова.

Литература XVII в. представлена в программе теми же двумя потоками – церковно-славянской и светской литературы, преобладание последней

очевидно в рассматриваемой таблице. Это часть курса предполагает знакомство с сочинениями церковно-политических деятелей (Гермоген, Авраамий, Иоанникий, кн. С.И. Шаховской), духовных писателей (Л. Баранович, М. Смотрицкий), богослова, педагога Л.И. Зизания. Наряду с ними планировалось изучение «Росписи китайскому государству и Пообинскому и другим в 1618 г.» томского купца И. Петлина (в сравнительном аспекте, судя по комментариям педагога, предполагалось говорить с учеником о сказании Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева 1567 г.), «Повести о взятии сибирской земли» (Строгановская летопись), «Истории о сибирской земле и о Царствии» – судя по примечанию Плетнева, знакомство с этими сочинениями вновь должно было обратиться его ученика к Карамзину, а последняя, как и «Летопись Сибирская и краткая Кунгурская», к имени сибирского энциклопедиста С.У. Ремезова (о ремезовской летописи, судя по комментариям, Плетнев говорил в аспекте взаимодействия в ней документального и вымышленного) и немецкого историографа И. Миллера. Попутно отметим, что в опоре на Карамзина и Миллера строил свой курс по русской истории и Жуковский. В программу почти в полном объеме вошло творчество Симеона Полоцкого: «Жезл правления», «Обед душевный» и «Вечеря душевная», «Рифмологион» (судя по комментариям, Плетнев давал на этом материале представление о силлабическом стихосложении). Вошедшие в «Рифмологион» «Комедия притчи о блудном сыне» и трагедия «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в пещи не соженных» представлялись Плетневым как «первые драмы на русском языке» [51. С. 213]. В программу введены и панегирик царю Алексею Михайловичу «Орел российский», и переложенная Полоцким на стихи «Псалтирь», по поводу которой обращалось внимание на то, что она была напечатана в учрежденной Полоцким типографии и что она входила в число книг, «увлекавших к поэзии» М.В. Ломоносова.

Программа изучения литературы XVIII в., составленная Плетневым для великого князя Александра Николаевича, открывается сочинениями И.Ф. Копиевича (учебные книги: «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное» (у Плетнева «Краткое введение во всякую историю»), «Латинская грамматика», «Краткое руководство в арифметику» и «Собрание слов, или Вокабулы на трех языках» («Лексикон на латинском, русском и немецком языке»). Вниманию ученика предлагались сочинения царевны Софьи Алексеевны, митрополита Ростовского Димитрия, основателей Московской Славяно-греко-латинской академии (рукописные учебники по греческой грамматике, риторике, логике; сочинения, написанные в защиту православного учения и др.). В литературный процесс Плетневым вводились сочинения украинского философа, писателя С. Климовского (поэма «О правде и великодушии благодетелей», «несколько песен»), П. Буслаева (поэма «Умозрительство духовное о переселении в вечную жизнь баронессы Строгановой»), С. Яворского (богословский трактат «Камень веры», проповеди), а также издания памятников древнерусской литературы, подготовленные

учеником Шлецера С.С. Башиловым, и др. Наряду с этим должны были изучаться «песни и другие простонародные стихотворения», собранные Киршей Даниловым.

В программе курса также указаны многие прозаические сочинения «промежуточных жанров» (термин Ю.Н. Тынянова): В. Григоровича («Пешеходца В. Григоровича путешествие к Св. местам с 1723 по 1747 год»), В. Татищева («Российская история в 4-х частях до 1462 г.», «Атлас Сибири на 20 л.», «Исторический русский лексикон до буквы Л», «Примечания на Русскую правду и Судебник»), «Описание Камчатки в 2-х частях», «Слово о пользе наук и художеств» П. Крашенинникова, «Путешественные записки от Санкт-Петербурга до Херсона» В.Ф. Зуева, «Записки на пути из Пароса в Сирию» С.И. Плещеева и др.

Центральными фигурами русской литературы эпохи Просвещения, судя по таблице, представлялись М.В. Ломоносов («поэт, обнявший все роды современной учености»), Ф. Прокопович, А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, В.И. Майков. Ф.А. Эмин и И.С. Барков представлены как переводчики. Все сочинения Ломоносова разделены Плетневым на прозаические и стихотворные. В свою очередь, сочинения Ломоносова в прозе разделены по тематическому принципу («похвальные слова, ученые диссертации, русская история, грамматика русского языка, риторика и проч.»), стихотворные сочинения – по жанровому признаку (оды, песни, поэмы, трагедии, «мелкие стихотворения»; отдельно указывается на переводные стихотворные сочинения). Также не перечисляя в программе конкретные сочинения Прокоповича, Плетнев разделяет их на несколько жанрово-тематических групп: ораторские, богословские, политические, нраво-учительные, исторические, стихотворные. Сочинения Кантемира, тоже не названные конкретно, делятся на две группы по другому критерию: оригинальные («сатиры и другие мелкие стихотворения») и переводные (здесь указаны «переводы десяти Горациевых посланий, перевод из Фонтенеля о множестве миров, переводы Корнелия Непота, Юстина, Анакреона, Эпиктета, из Монтескье Персидских писем и из Альгаротти о свете» [51. С. 217]). Достаточно полно представлено в программе Плетнева творчество Тредиаковского. Его изучение, судя по таблице, должно было открываться знакомством с рассуждениями писателя о русском языке и «свойствах его стихосложения», с его реформой языка и стихосложения. Программа предполагает также изучение «множества од» Тредиаковского, «одной трагедии и разных мелких стихотворений, перевода «Древней и Римской истории» Роллена, переложения Телемака в стихи по древнему героическому размеру, множества переводов как с древних языков, так и с новейших» [51. С. 221].

Из творческого наследия Эмина Плетнев планирует знакомство с «несколькими романами», «Кратким описанием древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты», духовно-нравственным сочинением «Путь ко спасению, или Разные набожные размышления, в которых заключается нужнейшая к общему знанию часть богословия». Из творчества Баркова к изучению предлагаются «Житие князя А.Д. Кантемира», перево-

ды сатир Горация, басен Федра, «Универсальной истории» Л. Гольберга, стихотворный перевод драмы Л. Лаццарони «Мир героев». Попутно отметим, что переводная литература, изданная в России в XVIII в., в целом довольно активно вводилась Плетневым в курс по истории русской литературы. В программе значатся переводы С. Волčkова, В. Лебедева, В. Теплова, Н. Поповского, В. Рубана, Е. Кострова, В. Петрова, кн. А. Голицына, П. Железникова и др.

А.П. Сумароков представлен в программе как «первый из русских драматических поэтов, первый директор придворного в России театра, писавший во всех родах поэзии» [51. С. 222]. В программе значатся написанные прозой «10 комедий, 2 оперы, 1 драма, речи, рассуждения и исторические отрывки» писателя, в стихах «9 трагедий», а также «духовные и торжественные оды», басни, сатиры, послания, эклоги, песни, надписи. Судя по комментариям в таблице, Сумароков изучался в сравнении с Ломоносовым. «Не умевший выражаться тем звучным и ровным языком, который до сих пор удивляет всех в одах и похвальных словах Ломоносова», Сумароков интерпретируется Плетневым как поэт, «довольствовавшийся соблюдением правил, предписываемых для внешнего состава стихотворений, слабо чувствуя, в чем состоит внутреннее достоинство поэзии», но «от современников заслуживший полное уважение, потому что круг его как драматического писателя был гораздо обширнее, нежели ученого человека или поэта лирического» [51. С. 223]. Довольно подробно планировалось изучить и творчество поэта и драматурга В.И. Майкова (ироикомиические поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» и «Игрок Ломбера», трагедии «Агриопа» и «Фемист и Иеронима», «мелкие стихотворения», переводы из Овидия, Вольтера и др.). Не менее подробно в программе Плетнева представлено творчество Екатерины II (записки, комедии, драмы, оперы, фельетоны, переводы, отдельное внимание планировалось уделить «Былям и небылицам»). Заметим, что знакомство с творчеством А.Н. Радищева, представленного как «сочинитель разных прозаических отрывков, известный по сатирическому духу», сводилось к Житию Феодора Васильевича Ушакова.

В программе находим также басни и сказки И.И. Хемницера, трагедии, комедии, оперы, оды, басни, послания Я.Б. Княжнина, сочинения Д.И. Фонвизина («Недоросль» – интерпретируется как «в своем роде лучшее у нас произведение»; «Послание к слугам моим», письма и переводы), русские и славянские сказки, сатирическую поэму «Плачевное падение стихотворцев» М.Д. Чулкова. Весьма подробно планировалось изучить творчество И.Ф. Богдановича (поэма «Душенька», составлявшая, по мнению Плетнева, «эпоху в нашей литературе как по языку, так и по духу поэзии» [51. С. 239], повесть в стихах «Добромысл», драматические сочинения «Славяне» и «Радость Душеньки» и др.), М.М. Хераскова (поэмы «Россиада», «Владимир» и др., драматические сочинения, поэмы в прозе, оды и «мелкие стихотворения»). Показательно наличие в программе Плетнева сочинений М.Н. Муравьева, написанных им с учебной целью для ве-

ликих князей Александра и Константина Павловичей, которым он преподавал русскую словесность. Завершается курс литературы рубежа XVIII–XIX вв. изучением сочинений княгини Е.Р. Дашковой.

Программа Плетнева по истории русской словесности XIX в. заканчивается на 1835 г. Ее концепция строится на идее переходности литературы от сентиментализма к романтизму и реализму. Характерно в связи с этим, что программа предполагает знакомство, вероятно обзорное, с большим пластом сочинений-отголосков классицизма С.С. Боброва, М.В. Крюковского, П.А. Плавильщикова, В.А. Озерова, князя И.М. Долгорукова, А.Н. Грузинцева, В.В. Капниста и др. Продолжается и знакомство с духовной литературой (митрополит Амвросия, архиепископ Московский Августин, митрополит Михаил, архиепископ Амвросий Протасов и др.). Вместе с тем большое место в программе по истории русской литературы XIX в. занимают прозаические сочинения «промежуточных жанров» таких авторов, как О.П. Беляев, П.Я. Гамалея, Я.А. Галинковский, Е.Б. Фукс и др.

Широко представлена в плетневской программе переводная литература: переводы Н.П. Осипова (из Овидия, «Дон Кихот» Сервантеса), В.С. Подшивалова («из Мейснера восемь частей Повестей и роман „Бianка Капелло“», [51. С. 247], Н.И. Ильина («Характеры» Лабрюйера, «шесть комедий, переведенных с немецкого и французского языков [51. С. 251], П.М. Карabanова (стихотворный перевод «Альзиры» Вольтера и др.), А.Ф. Лабзина («Женитьба Фигаро» Бомарше, труды К. Фон Эккартсгаузена и И.Г. Юнга-Штиллинга), Н.А. Радищева (переводы из Лафонтена) и др. Одной из важнейших фигур в программе представлен Н.И. Гнедич, прежде всего как переводчик «Илиады» Гомера.

Особое внимание в программе по первой трети XIX в. уделяется русской поэзии. Ее история у Плетнева начинается с Г.Р. Державина, названного им «одним из самых оригинальных гениев лирической поэзии». В программе обозначено и творчество поэтов-романтиков В.Д. Венивитинова, А. Дельвига. Введены в нее и авторы второго ряда: М.В. Милонов, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, Н.Ф. Остолопов, В.Л. Пушкин.

История русской художественной прозы представлена в курсе Плетнева творчеством П.Ю. Львова, «писавшего много в повествовательном роде» («в первом разряде его сочинений» значится «Храм славы российских героев времён Гостомысла до царствования Романовых», роман «Российская Памела», повести, рассказы, «заимствованные из русской истории» [51. С. 257]), «сочинителя романов» В.Т. Нарезного («Бурсак», «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», «Аристион, или Перевоспитание», «Черный год, или Горские друзья», сборник повестей «Словенские вечера»), В.В. Измайлова («Путешествие в полуденную Россию»), А.А. Измайлова (повести «Бедная Маша», «Евгений, или Следствия дурного воспитания»). Одна из центральных фигур, стоявших у истоков русской прозы, – Н.М. Карамзин, «образователь русской прозы» и «историограф» (программа предполагает изучение его «разных сочинений в прозе» и «Истории государства Российского»).

История русской драмы первой трети XIX в. представлена в программе Плетнева произведениями А.И. Писарева («четыре комедии, шесть водевилей», «Драматический альбом», изданный Писаревым совместно с А. Верстовским), «комика» А.С. Грибоедова (указаны комедии «Молодые супруги», «Придворная неверность» и «Горе от ума»; к последней имеется комментарий: «...замечательна по своему необыкновенному успеху, так что прежде издания тысячи рукописных экземпляров ее разошлись по России» [51. С. 259]) и некоторых других авторов.

Выстраивая историко-культурный контекст литературного процесса, Плетнев вводит в свою программу целый ряд значимых фигур. Кроме названных (и не названных) выше царских особ, многих духовных лиц, русских князей, поэтов, прозаиков, драматургов, переводчиков, в курсе упоминаются переписчики и переводчики древнерусских литературных памятников, знаменитые паломники и путешественники, оставившие описания своих паломнических и светских путешествий, ученые, педагоги, издатели, деятели русского театрального искусства. В комментариях программы постоянно даются сведения об истории литературных памятников, в том числе рукописных. Нередко в программу вводятся имена известных филологов, прежде всего лингвистов и историков литературы, среди них профессора русской словесности И.С. Рижский, А.Ф. Мерзляков, Н.Ф. Кошанский, П.А. Сохацкий, филологи Н.Ф. Грамматин, К.Ф. Калайдович и др. Важнейшими фигурами современной для великого князя русской литературы и культуры называются граф А.И. Мусин-Пушкин, граф Н.П. Румянцев. Как события времени называются издание профессором Московского университета Р.Ф. Тимковским Несторовой летописи по Лаврентьевскому списку, составление И.Ф. Ахматовым Атласа к «Истории государства Российского» Карамзина.

Особенностью программы Плетнева по литературе XIX в. было последовательное внимание к истории русских общественно-литературных журналов и альманахов. «Московский Меркурий» П.И. Макарова, «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий» А.И. Клушина, «Санкт-Петербургский журнал» И.П. Пнина, литературные журналы П.А. Сохацкого, «Пантеон русской поэзии» и «Цветник», «Санкт-Петербургский вестник» П.А. Никольского, «Друг детей» Н.И. Ильина, «Друг юношества» М.И. Невзорова, альманах «Северные цветы» и «Литературная газета» А.А. Дельвига, «Амфион» А.Ф. Мерзлякова, «Русский зритель» К.Ф. Калайдовича, «Любитель словесности» Н.Ф. Остолопова – программа представляла историю этих и других журналов, их издателей, отдельные журнальные публикации.

Таким образом, программа курса по истории русской словесности П.А. Плетнева как важнейшая и органическая часть его педагогического наследия строится в русле «Плана учения» и учебно-методических изданий В.А. Жуковского, созданных для обучения великого князя Александра Николаевича. Являя собой по форме хронологическую таблицу-«список русских сочинителей», по содержанию программа представляет собой концептуальный конспект по истории русской литературы с примечаниями

автора программы, своего рода «авторerefлексию» писателя – придворного педагога¹. В отличие от М.Н. Муравьева, преподававшего при дворе сразу три дисциплины, среди которых «литература была представлена в крайне скромных размерах» [52. С. 365], Плетнев разработал программу чрезвычайно скрупулезно, в академическом «стиле», включив в нее, кроме писательского корпуса, в разы большего, чем у Муравьева, обширный историко-культурный контекст. Вместе с тем с педагогическими принципами Муравьева программу Плетнева сближают убеждения в мощном воздействии изящной словесности, чтения литературных произведений «на сердце и обращение» ученика «с людьми» [25. С. 17], в том, что «исследование всякой науки доводит до поднятия способностей и сил души» и что «ничто не доставляет столь верных и удовлетворительных сведений о душе, как изучение литературы». Точнее сказать, Плетнев оказывается в этом русле благодаря Жуковскому, ближайшему преемнику Муравьева. В целом можно утверждать, что все трое исходят из того, что знание, которое дает изучение литературы, «многообъемлющее», поскольку «соединено с нравственностью» ([49. С. 120], что «постижение во всем истинного, доброго и прекрасного, как трех видов совершенства духовного, должно быть главною целью» литературы и «занятий литературой» [25. С. 24]. При этом программа университетского профессора Плетнева, вливавшаяся, по его выражению, в «педагогическую поэму» Жуковского, которая оказалась, по мнению Д.В. Долгушина, «по большому счету, педагогической утопией» в силу ее дедуктивного построения² (об этом подробно см.: [41. С. 368–370; 37. С. 389–398], представляется столь же глубоко концептуальной и столь же трудной для детского усвоения. Очевидно, что программа расходилась с реальным преподаванием. Не случайно в ней отсутствуют имена Жуковского, Пушкина, Гоголя, хотя из переписки Плетнева с Я.К. Гротом и воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны, Ф. Фортунатова, М.Н. Лонгинова видно, что он читал вслух великим князьям, императрице Александре Федоровне, так же как и в своем университетском курсе, и Пушкина, и Жуковского, и Гоголя, прививая любовь к этим авторам, развивая в них убеждение, что это – вершина русской литературы³. Думается, что Плетнев, вслед за Жуковским и Муравьевым, на прак-

¹ Об истории придворного преподавания литературы в России, в том числе М.Н. Муравьевым, В.А. Жуковским и П.А. Плетневым, см.: [52].

² Отчасти «дедуктивной стратегии» в преподавании следовал и М.Н. Муравьев (см.: [52. С. 370].

³ В воспоминаниях великой княгини Ольги Николаевны читаем: «Жуковский и Плетнев, наши русские учителя, оба дружные с Пушкиным и члены литературного кружка “Арзамас”, давно уже познакомили нас с сочинениями Пушкина. Мы заучивали его стихи из “Полтавы”, “Бахчисарайского фонтана” и “Бориса Годунова”, мы буквально глотали его последнее произведение “Капитанская дочка”, которое печаталось в “Современнике»» [53]. Многочисленные упоминания Плетнева о его совместном с великой княгиней Ольгой Николаевной, императрицей Александрой Федоровной чтении сочинений Жуковского, Пушкина, Гоголя находим в его письмах к Я.К. Гроту: «У великой княжны Ольги Николаевны читали “Пиковую даму”. Эффект чудесный»; «...у великой княжны Ольги Николаевны... продолжал читать “Капитанскую дочку»»;

тике использовал «индуктивные стратегии», следуя в преподавании от частного – современного пласта литературы – к общему, стремясь прежде всего к пробуждению у своих учеников интереса к книге, что реализовывалось совместным комментированным чтением художественного произведения¹.

В заключение приведем слова из воспоминаний великой княгини Ольги Николаевны о П.А. Плетневе-учителе: «Наш русский преподаватель, Плетнев, был по духу очень тонок, почти женственно чуток и очень ценился современниками как литературный критик... В своих суждениях он шел наперекор всем принципам и теориям, опираясь только на чистоту и искренность своего чувства. Все обыденное, плоское было чуждо ему. Его влияние на учащуюся молодежь в Петербурге было очень плодотворно. Он открывал и бережно хранил такие таланты, как Гоголь, Майков и другие. С нами, детьми, он обращался так, как это надлежало педагогу. В Мэри он поддерживал ее воображение, в Саше – доброту сердца и всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности как в отношении Бога и людей, так и перед нами самими. Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагает на нас и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным. <...> Его письма, как и статьи, всеми читались, его имя связывали с духовными и политическими сдвигами нашей эпохи. Благодаря ему я поняла, какое направление приняли либеральные идеи декабристов» [53].

Литература

1. Каминский В.А. Плетнев и его отношения к Жуковскому и Пушкину // Русская старина. 1904. № 9. С. 594–627.
2. П.А. Плетнев. Письма к В.А. Жуковскому / публ. Е.П. Горбенко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 1984. Т. 1980. С. 111–128.
3. Переписка А.С. Пушкина : в 2 т. Т. 2: А.С. Пушкин и П.А. Плетнев / сост., коммент. В.Э. Вацура, М.И. Гиллельсона, И.Б. Мушиной и др. М., 1982. 574 с.
4. Горбенко Е.П. Плетнев и Пушкин // Эстетические взгляды писателя и художественное творчество. Краснодар, 1981. С. 12–22.

«...читал с великой княжной Ольгой Николаевной “Бориса Годунова”» [24. Т. 1. С. 153, 186, 238 и др.]; «...начал с великой княжной Ольгой Николаевной чтение 4 тома Жуковского. Я сказал ей, что баллада “Карл Великий” (его плавание) одна из моих любимых. И она ее для себя признала таковою же»; «...у великой княжны Ольги Николаевны сперва читали одни внизу, а после были позваны наверх к императорице. Наконец всего Бульбу дочитали. <...>. На будущее время решились выбирать для чтения из Жуковского, что найдется малоизвестного»; «...после мы пошли наверх к государыне. Ей хотелось послушать “Замок Смальгольм”. Я читал Ее Величеству и другие пьесы из Жуковского. Вообще, как всегда, было весело и приятно» [24. Т. 2. С. 6, 38, 42 и др.].

¹ К этому прибегал на практике и Жуковский.

5. Горбенко Е.П. Из переписки П.А. Плетнева (1821–1864) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1986. Л., 1987. С. 19–48.
6. Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 87–93.
7. Розанов И.Н. Пушкинская плеяда: Старшее поколение. М., 1923. 184 с.
8. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: Элегическая школа. СПб., 1992. 238 с.
9. Горбенко Е.П. П.А. Плетнев – литературный деятель пушкинской эпохи. Краснодар, 1992. 58 с.
10. Белехова С.П. Поэзия П.А. Плетнева в литературном процессе первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 16 с.
11. Казанцева Г.В. К проблеме «автор – герой» в биографии писателя: («Александр Сергеевич Пушкин» П.А. Плетнева и «Материалы для биографии Пушкина» П.В. Анненкова) // Вестник Военного университета. 2011. № 2 (26). С. 58–64.
12. Белошапкин Д. Петр Александрович Плетнев как литературный критик. СПб., 1904. 23 с.
13. Каминский В.А. Плетнев как критик и публицист // Русская старина. 1906. № 11. С. 245–286.
14. Круковский А.В. Плетнев как критик // Филологические записки. 1916. Вып. 1. С. 23–61.
15. Азбукин В.Н. Литературно-критические взгляды П.А. Плетнева // Романтизм в художественной литературе. Казань, 1972. С. 39–53.
16. Проскурина В.Ю. Плетнев литературный критик // Филологические науки. 1985. № 5. С. 27–32.
17. Проскурина В.Ю. Литературная позиция журнала «Современник»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 26 с.
18. Проскурина В.Ю. Эстетическая позиция П.А. Плетнева – издателя «Современника» // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 1984. № 6. С. 52–58.
19. Долгушин Д.В. Комментарии // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2016. Т. 11. С. 858–867.
20. Вяземский П.А. Памяти П.А. Плетнева // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 246–249.
21. Тургенев И.С. Литературный вечер у П.А. Плетнева // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. М.; Л., 1967. Т. XIV. С. 11–21, 423–434.
22. Грот Я.К. Петр Александрович Плетнев: (По поводу статьи И.С. Тургенева «Литературный вечер у Плетнева»). М., 1870. 36 с.
23. Грот Я.К. П.А. Плетнев и его сочинения. СПб., 1885. 11 с.
24. Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1–3.
25. Грот К.Я. Петр Александрович Плетнев: биограф. очерк. СПб., 1902. 64 с.
26. Фортунатов Ф. Воспоминания о С.-Петербургском Университете за 1830–33 годы // Русский архив. 1869. № 2. Стб. 305–340.
27. Скабичевский А. П.А. Плетнев: биограф. очерк // Вестник Европы. 1885. Ноябрь. С. 49–103.
28. Языков Д.Д. Петр Александрович Плетнев. М., 1896. 39 с.
29. Плетнев А.П. Воспоминания о П.А. Плетневе. СПб., 1907. 14 с.
30. Горбенко Е.П. Профессора словесности // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 73–85.
31. Шубин В.Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 86–93.
32. Жуковская Т.Н., Дубровская Н.В. Благородный пансион при Санкт-Петербургском университете (1817–1830 гг.): организационная структура и повседневная жизнь // Российская наука и высшая школа нового и новейшего времени (XVIII–XX вв.). 2017. № 10 (130). С. 57–65.

33. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья первая // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12.

34. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 5–21.

35. Долгушин Д.В. Учебные периодические издания в «придворной педагогике» М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 26. С. 88–103.

36. Дельви́г А.А. «История древней и новой литературы». Сочинение Фридриха Шлегеля // Сочинения. Л., 1986. С. 260.

37. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени : дис. ... д-ра филол. наук. Томск ; Новосибирск, 2019. 508 с.

38. Симиновский П.М. Педагогические взгляды и деятельность В.А. Жуковского (1783–1852) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 159 с.

39. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2019. Т. 16. 1149 с.

40. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского // Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития. 1853. Т. 3. С. 355–397.

41. Плетнев П.А. О жизни и сочинениях В.А. Жуковского. СПб., 1853. 188 с.

42. Плетнев П.А. Сочинения и переписка : в 3 т. СПб., 1885.

43. Айзикова И.А. «Библейские повести» В.А. Жуковского // Русская литература и религия. Новосибирск : Наука, 1997. С. 85–94.

44. Киселева Л.Н. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту 3 : материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 198–228.

45. Айзикова И.А. Письма К.К. Мёрдера к В.А. Жуковскому (публикация и комментарий) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2020. Вып. 4. С. 358–407.

46. Киселёв В.С., Жилиякова Э.М. «План учения... наследника цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 125–136.

47. Долгушин Д.В. Иконическая и словесная интерпретация текста в «Живописной Священной истории» В.А. Жуковского // Духовно-нравственные основы российской культуры и образования : материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских чтений. Новосибирск, 2016. Вып. 3. С. 57–72.

48. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы В.А. Жуковского и их значение // Жуковский: Исследования и материалы. Томск, 2017. Вып. 3. С. 238–257.

49. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 11. Первый полум. М., 2016. 1047 с.

50. Хронологические таблицы Истории Государства Российского: Древняя история. II. Времена уделов. II. Татарское иго // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 30. С. 145–167.

51. Плетнев П.А. Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1877. Т. 30. С. 197–267.

52. Долгушин Д.В. Придворный локус и авторефлексия русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в.: Михаил Муравьев, Василий Жуковский, Петр Плетнев // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 53. С. 361–373.

53. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846. Сон Юности. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (дата обращения: 22.09.2021).

Pyotr Pletnev's Heritage in "Court" Pedagogy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 74. 208–229. DOI: 10.17223/19986645/74/12

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: P. A. Pletnev, V. A. Zhukovsky, court pedagogy, educational and methodological materials, typological approaches.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

Without claiming to be a complete reconstruction of Pletnev's pedagogical system, which should be understood as an important part of Russian pedagogy and as a phenomenon of Russian culture, the article focuses on presenting his legacy in "court pedagogy", showing that the basis for it was the sociocentric and anthropocentric concepts of teaching and upbringing of persons of the royal family, perceived largely from M.N. Muravyev and V.A. Zhukovsky. The methodological principles applied in the study are determined by the desire for a comprehensive interdisciplinary approach, implying a combination of biographical context analysis and comparative analysis conducted in historical-literary and historical-pedagogical directions, which corresponds to the logic of the study. Based on factual research within the framework of the topic and a detailed analysis of Pletnev's textbook on the history of Russian literature compiled for Grand Duke Alexander Nikolaevich and published in 1836 under the title *A Chronological List of Russian Writers and Bibliographic Notes on Their Works*, the author comes to the following conclusions. Having entered the pedagogical system built by Zhukovsky for the training of Grand Duke Alexander Nikolaevich, Pletnev followed its principles, general and specific. Pletnev's tables on Russian history are similar to the ones Zhukovsky compiled for the Tsarevich. Pletnev's course program is based on Zhukovsky's teaching plan and educational and methodical publications made for the training of the heir to the Russian throne. In terms of content, this is a conceptual synopsis with notes by the author of the program, developed extremely scrupulously, in an academic "style", which includes, in addition to a large writer's corpus, an extensive historical and cultural context. Pletnev's program and Zhukovsky's pedagogical views are also brought together by beliefs in the powerful impact of fine literature and reading of literary works on the student's heart and their relationships with people. Pletnev follows not only Zhukovsky, but also M.N. Muravyov. However, the program of the university professor Pletnev, due to its "deductive construction", turned out to be very difficult for children to assimilate. Obviously, it had little in common with real teaching. It seems that Pletnev, following Zhukovsky and Muravyov, used "inductive strategies" in practice, following in teaching from the specific – the modern layer of literature – to the general, striving to arouse his students' interest in books, which was realized by a joint commented reading of a work of fiction.

References

1. Kaminskiy, V.A. (1904) Pletnev i ego otnosheniya k Zhukovskomu i Pushkinu [Pletnev and his attitudes to Zhukovsky and Pushkin]. *Russkaya starina*. 9. pp. 594–627.
2. Pletnev, P.A. (1984) Pis'ma k V.A. Zhukovskomu [Letters to V.A. Zhukovsky]. Published by E.P. Gorbenko. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House]. Vol. 1980. St. Petersburg: Pushkin House. pp. 111–128.
3. Vatsuro, V.E. et al. (1982) *Perepiska A.S. Pushkina: v 2 t.* [Correspondence of A.S. Pushkin: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

4. Gorbenko, E.P. (1981) Pletnev i Pushkin [Pletnev and Pushkin]. In: *Esteticheskie vzglyady pisatelya i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Aesthetic views of the writer and artistic creativity]. Krasnodar: [s.n.]. pp. 12–22.
5. Gorbenko, E.P. (1987) Iz perepiski P.A. Pletneva (1821–1864) [From the correspondence of P.A. Pletnev (1821–1864)]. In: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya. Ezhegodnik 1986* [Monuments of Culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology. Yearbook of 1986]. Leningrad: Nauka. pp. 19–48.
6. Shubin, V.F. (1984) Vechera Pletneva v Rektorskom fligele [Pletnev Nights in the Rector's Wing]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 87–93.
7. Rozanov, I.N. (1923) *Pushkinskaya pleyada: Starshee pokolenie* [Pushkin's pleiad: The older generation]. Moscow: Zadruga.
8. Vatsuro, V.E. (1992) *Lirika pushkinskoy pory: Elegicheskaya shkola* [Lyrics of Pushkin's time: Elegiac school]. St. Petersburg: Nauka.
9. Gorbenko, E.P. (1992) *P.A. Pletnev – literaturnyy deyatel' pushkinskoy epokhi* [P.A. Pletnev as a literary figure of the Pushkin era]. Krasnodar.
10. Belekova, S.P. (2000) *Poeziya P.A. Pletneva v literaturnom protsesse pervoy treti XIX v.* [P.A. Pletnev's poetry in the literary process of the first third of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
11. Kazantseva, G.V. (2011) K probleme “avtor – geroy” v biografii pisatelya (“Aleksandr Sergeevich Pushkin” P.A. Pletneva i “Materialy dlya biografii Pushkina” P.V. Annenkova) [On the problem of “author – hero” in the writer's biography (“Alexander Sergeevich Pushkin” by P.A. Pletnev and “Materials for the Biography of Pushkin” by P.V. Annenkov)]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2 (26). pp. 58–64.
12. Beloshapkin, D. (1904) *Petr Aleksandrovich Pletnev kak literaturnyy kritik* [Pyotr Alexandrovich Pletnev as a literary critic]. St. Petersburg.
13. Kaminskiy, V.A. (1906) Pletnev kak kritik i publitsist [Pletnev as a critic and publicist]. *Russkaya starina*. 11. pp. 245–286.
14. Krukovskiy, A.V. (1916) Pletnev kak kritik [Pletnev as a critic]. *Filologicheskie zapiski*. 1. pp. 23–61.
15. Azbukin, V.N. (1972) Literaturno-kriticheskie vzglyady P.A. Pletneva [Literary-critical views of P.A. Pletnev]. In: Gulyaev, N.A. (ed.) *Romantizm v khudozhestvennoy literature* [Romanticism in fiction]. Kazan: Kazan State University. pp. 39–53.
16. Proskurina, V.Yu. (1985) Pletnev – literaturnyy kritik [Pletnev as a literary critic]. *Filologicheskie nauki*. 5. pp. 27–32.
17. Proskurina, V.Yu. (1985) *Literaturnaya pozitsiya zhurnala “Sovremennik”* [Literary position of the journal “Sovremennik”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
18. Proskurina, V.Yu. (1984) Esteticheskaya pozitsiya P.A. Pletneva – izdatelya “Sovremennika” [Aesthetic position of P.A. Pletnev, publisher of *Sovremennik*]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya “Filologiya”*. 6. pp. 52–58.
19. Dolgushin, D.V. (2016) Kommentarii [Commentaries]. In: Zhukovskiy, V.A. *PSSiP: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 11. Moscow: YaSK. pp. 858–867.
20. Vyazemskiy, P.A. (1984) *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo. pp. 246–249.
21. Turgenev, I.S. (1967) Literaturnyy vecher u P.A. Pletneva [A literary night at P.A. Pletnev's]. In: *PSSiP: v 28 t. Sochineniya: v 15 t.* [Complete works and letters: in 28 vols. Works: in 15 vols]. Vol. 14. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 11–21, 423–434.
22. Grot, Ya.K. (1870) *Petr Aleksandrovich Pletnev. (Po povodu stat'i I.S. Turgeneva “Literaturnyy vecher u Pletneva”)* [Pyotr Alexandrovich Pletnev. (Regarding I.S. Turgenev's “A literary night at P.A. Pletnev's”)]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K°.
23. Grot, Ya.K. (1885) *P.A. Pletnev i ego sochineniya* [P.A. Pletnev and his writings]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

24. Grot, K.Ya. (ed.) (1896) *Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym* [Correspondence of Ya.K. Grot with P.A. Pletnev]. Vols 1–3. St. Petersburg: tip. M-va putey soobshcheniya.
25. Grot, K.Ya. (1902) *Petr Aleksandrovich Pletnev. Biograficheskiy ocherk* [Pyotr Alexandrovich Pletnev. Biographical essay]. St. Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova.
26. Fortunatov, F. (1869) Vospominaniya o S.-Peterburgskom Universitete za 1830–33 gody [Memories of St. Petersburg University for 1830–33]. *Russkiy arkhiv*. 2. Columns 305–340.
27. Skabichevskiy, A. (1885) P.A. Pletnev. Biograficheskiy ocherk [Pyotr Alexandrovich Pletnev. Biographical essay]. *Vestnik Evropy*. Novemer. pp. 49–103.
28. Yazykov, D.D. (1896) *Petr Aleksandrovich Pletnev*. Moscow: [s.n.]. (In Russian).
29. Pletnev, A.P. (1907) *Vospominaniya o P.A. Pletneve* [Memories of P.A. Pletnev]. St. Petersburg.
30. Gorbenko, E.P. (1984) Professora slovesnosti [Professors of Literature]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 73–85.
31. Shubin, V.F. (1984) Vechera Pletneva v Rektorskom fligele [Pletnev's Nights in the Rector's Wing]. In: *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta* [Essays on the history of Leningrad University]. Vol. V. Leningrad: Leningrad State University. pp. 86–93.
32. Zhukovskaya, T.N. & Dubrovskaya, N.V. (2017) Blagorodnyy pansion pri Sankt-Peterburgskom universitete (1817–1830 gg.): organizatsionnaya struktura i povsednevnyaya zhizn' [Noble boarding school at St. Petersburg University (1817–1830): organizational structure and everyday life]. *Rossiyskaya nauka i vysshaya shkola novogo i noveyshego vremeni (XVIII–XX vv.)*. 10 (130). pp. 57–65.
33. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravyov's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/461/1
34. Dolgushin, D.V. (2020) Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article One. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 23. pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/1
35. Dolgushin, D.V. (2021) Educational Periodicals in the “Court Pedagogy” of Mikhail Muravyov and Vasily Zhukovsky. Article Two. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 26. pp. 88–103. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/26/5
36. Del'vig, A.A. (1986) *Sochineniya* [Writings]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. p. 260.
37. Dolgushin, D.V. (2019) *V.A. Zhukovskiy i religiozno-filosofskaya kul'tura ego vremeni* [V.A. Zhukovsky and religious and philosophical culture of his time]. Philology Dr. Diss. Tomsk; Novosibirsk.
38. Siminovskiy, P.M. (2000) *Pedagogicheskie vzglyady i deyatel'nost' V.A. Zhukovskogo (1783–1852)* [Pedagogical views and activities of V.A. Zhukovsky (1783–1852)]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
39. Zhukovskiy, V.A. (2019) *PSSiP: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 16. Moscow: YaSK.
40. Pletnev, P.A. (1853) O zhizni i sochineniyakh V.A. Zhukovskogo [On the life and works of V.A. Zhukovsky]. In: Plyushar, A.A. & Genkel', V. (eds) *Zhivopisnyy sbornik zamechatel'nykh predmetov iz nauk, iskusstv, promyshlennosti i obshchезhitiya* [A picturesque collection of remarkable objects from the sciences, arts, industry, and public life]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie Plyushara A.A. pp. 355–397.
41. Pletnev, P.A. (1853) *O zhizni i sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [On the life and works of V.A. Zhukovsky]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
42. Pletnev, P.A. (1885) *Sochineniya i perepiska: v 3 t.* [Works and correspondence: in 3 volumes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

43. Ayzikova, I.A. (1997) "Bibleyskie povesti" V.A. Zhukovskogo ["Bible stories" of V.A. Zhukovsky]. In: *Russkaya literatura i religiya* [Russian literature and religion]. Novosibirsk: Nauka. pp. 85–94.

44. Kiseleva, L.N. (2004) [Zhukovsky – a teacher of the Russian language (the beginning of the "tsarist pedagogy")]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin readings in Tartu 3]. Proceedings of the International Conference. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastu. pp. 198–228. (In Russian).

45. Ayzikova, I.A. (2020) Pis'ma K.K. Merdera k V.A. Zhukovskomu (publikatsiya i kommentariy) [Letters from K.K. Murder to V.A. Zhukovsky (publication and commentary)]. In: Kiselev, V.S. (ed.) *Zhukovskiy. Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky. Research and materials]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 358–407.

46. Kiselev, V.S. & Zhilyakova, E.M. (2014) "Plan of the Education ... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the Context of V.A. Zhukovsky's Pedagogical Legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 125–136. (In Russian).

47. Dolgushin, D.V. (2016) [Iconic and verbal interpretation of the text in the "Picturesque Sacred History" by V.A. Zhukovsky]. *Dukhovno-nravstvennyye osnovy rossiyskoy kul'tury i obrazovaniya* [Spiritual and moral foundations of Russian culture and education]. Proceedings of the Novosibirsk Cyril and Methodius Readings. Vol. 3. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 57–72.

48. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy V.A. Zhukovskogo i ikh znachenie [The world of symbols: mnemonic tables of V.A. Zhukovsky and their meaning]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.

49. Zhukovskiy, V.A. (2016) PSSiP: v 20 t. [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 1 (1). Moscow: YaSK.

50. Imperial Russian Historical Society. (1877) Khronologicheskie tablitsy Istorii Gosudarstva Rossiyskogo. Drevnyaya istoriya. II. Vremena udelov. II. Tatarskoe igo [Chronological tables of the History of the Russian State. Ancient history. II. District times. II. Tatar yoke]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 145–167.

51. Pletnev, P.A. (1877) Khronologicheskiy spisok russkikh sochiniteley i bibliograficheskie zamechaniya o ikh proizvedeniyakh [Chronological list of Russian writers and bibliographic notes on their works]. In: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 30. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 197–267.

52. Dolgushin, D.V. (2015) Pridvornyy lokus i avtorefleksiya russkoy literatury kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v.: Mikhail Murav'ev, Vasilii Zhukovskiy, Petr Pletnev [Court Locus and Autoreflexion of Russian Literature of the Late 18th – First Half of the 19th Centuries: Mikhail Muravyov, Vasily Zhukovsky, Pyotr Pletnev]. *Toronto Slavic Quarterly*. 53. pp. 361–373.

53. Dugward.ru. (2021) *Vospominaniya velikoy knyazhny Ol'gi Nikolaevny. 1825–1846. Son Yunosti* [Memories of Grand Duchess Olga Nikolaevna. 1825–1846. Dream of Youth]. [Online] Available from: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (Accessed: 22.09.2021).